3 1761 06974772 3

Andreev, Leonid Nikolaevich
S.O.S. ! [2. izd.]

DK
265
.17
A54
1919

S. O. S.!

СПАСИТЕ!

Съ предисловіемъ Вл. Бурцева.

(Второе изданіе)

PARIS
Imprimerie «L'Union», 16, Bd Saint-Jacques
—
1919

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

S. O. S.!

СПАСИТЕ!

PARIS
Imprimerie « Union », 46, Bd Saint-Jacques

1919

LIBRARY
MAY 1 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
265
.17
A54
1919

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ русскихъ писателей. Это — глубокій, горячій русскій патріотъ, демократъ, цѣлые годы энергично боровшійся съ царизмомъ, — другъ союзниковъ, заклятый врагъ большевиковъ и нѣмцевъ.

Во время войны его пламенныя обращенія къ русскому народу, рабочимъ, крестьянамъ, солдатамъ, его проклятія нѣмцамъ и большевикамъ не разъ производили въ Россіи потрясающее впечатлѣніе и расходились въ милліонахъ экземпляровъ.

Въ исторіи нынѣшней войны и въ исторіи борьбы русскаго народа съ нѣмцами и большевиками, статьи и воззванія Л. Н. Андреева останутся навсегда, какъ замѣчательнѣйшіе документы своего времени.

Мы, русскіе, не можемъ безъ глубокаго волненія перечитывать новое воззваніе Л. Н. Андреева.

Въ немъ Л. Н. Андреевъ выразилъ наши думы, нашу любовь, нашу ненависть, наши нынѣшнія тревоги и сомнѣнія.

Это — крикъ русскаго патріота, глубоко любящаго свою родину. Онъ видитъ безмѣрно страдающую родину и въ то же самое время беззавѣтно вѣритъ въ ея великое, свѣтлое будущее.

Мы хотѣли-бы, чтобы то, что пишетъ Л. Н. Андреевъ, прочитали за-границей всѣ: — и наши друзья и наши враги.

О томъ, о чемъ говоритъ Андреевъ, говоритъ и думаетъ повсюду подавляющее большинство всего населенія Россіи — и особенно, быть можетъ, тамъ, гдѣ все еще царятъ большевики и гдѣ они не даютъ никому свободно говорить.

Въ началѣ нынѣшней войны, русскіе клялись вмѣстѣ съ союзниками бороться съ нѣмцами до конца. Въ этой войнѣ они пожертвовали многими милліонами жизней своихъ сыновъ. Безъ ихъ помощи у союзниковъ не было бы побѣды надъ нѣмцами, и союзники теперь не были бы въ Германіи, а наоборотъ: нѣмцы были бы у нихъ, въ ихъ Парижѣ.

Тѣ русскіе, которые до сихъ поръ остались вѣрны тогдашней своей клятвѣ, ждутъ отъ своихъ союзниковъ выполненія ихъ клятвы.

Мы не хотимъ допустить и мысли, что наши надежды не оправдаются.

Мы вѣримъ, что союзники, въ концѣ концовъ, пропустивши много драгоцѣннаго времени, пойдутъ навстрѣчу Россіи въ ея борьбѣ съ насильниками нѣмцевъ и царизма — большевиками.

Безъ побѣды надъ большевиками у самихъ союзниковъ не можетъ быть полной побѣды надъ нѣмцами и нынѣшняя побѣда союзниковъ надъ нѣмцами на дѣлѣ никогда не будетъ побѣдой.

Союзники не могутъ спокойно жить, пока не будетъ возстановлена великая, сильная, свободная Россія.

Вл. Бурцевъ.

24. III. 1919.

P. S. Русскій текстъ статьи Л. Н. Андреева былъ давно намъ посланъ, но мы его почему-то до сихъ поръ не получили. Редакціи англійскихъ и

французскихъ газетъ по телеграфу четыре раза получали англійскій переводъ этой статьи, но не рѣшались ее напечатать...

Я не считалъ себя вправѣ дольше ждать оригинала русскаго текста и далъ въ „Общемъ Дѣлѣ" переводъ статьи Л. Н. Андреева съ англійскаго на французскій языкъ.

Извиняюсь въ этомъ и передъ читателями и особенно передъ самимъ Л. Н. Андреевымъ. Я убѣжденъ, что ни мои читатели, ни самъ авторъ не будутъ обвинять меня за это. Я не считалъ себя вправѣ долѣе ждать присылки оригинальнаго текста.

Такіе историческіе документы, какъ „S. O. S." Андреева, требуютъ того, чтобъ ихъ опубликовывали во время, немедленно, какъ только они попадаютъ въ руки тѣхъ, у кого есть печатный станокъ.

Разумѣется, статья Л. Н. Андреева „S. O. S." будетъ снова нами переиздана по русски, какъ только мы получимъ подлинный ея текстъ.

В. Б.

Предисловіе ко второму изданію.

Мы только что получили, наконецъ, подлинный текстъ статьи Л. Н. Андреева. Эта статья была послана намъ ея авторомъ изъ Финляндіи еще два мѣсяца тому назадъ.

Мы нисколько не раскаиваемся въ томъ, что не дожидались полученія оригинальнаго текста S. O. S. и перевели эту статью на русскій и французскій языки съ англійскаго текста, полученнаго нами тогда по телеграфу изъ Гельсингфорса. Мы не считали себя въ правѣ отклады-

вать опубликованіе ея въ европейской прессѣ до полученія оригинальнаго русскаго текста.

Для насъ и тогда было внѣ сомнѣнія, что статья Андреева S. O. S. — историческій документъ огромнаго политическаго значенія.

Дѣйствительно, S. O. S., какъ и надо было этого ожидать, имѣло огромный успѣхъ и было прочитано всѣмъ читающимъ міромъ. Л. Н. Андреевъ сказалъ нужное слово въ нужное время.

Статья Л. Н. Андреева уже переведена на французскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій, чешскій, сербскій и пр. языки. Она была перепечатана въ десяткахъ наиболѣе распространенныхъ изданій и въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ разошлась по всему міру.

S. O. S., конечно, будетъ долго еще читаться и перечитываться Оно будетъ считаться однимъ изъ наиболѣе сильныхъ, наиболѣе важныхъ произведеній Л. Н. Андреева.

S. O. S. Андреева особенно много найдетъ читателей впослѣдствіи — въ Россіи, когда Россія будетъ освобождена отъ большевиковъ. Русскіе читатели долго не перестанутъ ее перечитывать и будутъ говорить ея автору горячее спасибо за его слово въ защиту Россіи въ одинъ изъ самыхъ мучительныхъ моментовъ ея существованія, когда вокругъ все было такъ ужасно и не у однихъ пессимистовъ часто опускались руки.

Вл. Бурцевъ.

I-VI-1919.

S. O. S.!

Спасите!

Статья Л. Н. Андреева.

То, что нынѣ по отношенію къ истерзанной Россіи свершаютъ Правительства союзниковъ, есть либо *предательство*; либо *безуміе*.

Или: они *знаютъ*, что такое большевики, которыхъ они приглашаютъ на Принцевы Острова для примиренія ихъ съ растерзанной ихъ же руками и окровавленной, умирающей Россіей, — тогда это простое предательство, отличающееся отъ другихъ случаевъ такого же рода лишь своимъ міровымъ масшабомъ.

Тотъ элементъ неожиданности, что такъ остро поразилъ всѣхъ вѣрующихъ въ благость и справедливость союзниковъ, есть также вещь обычная для такихъ случаевъ: всѣ предательства неожиданны, и если божественный Іисусъ прекрасно знаетъ, куда и зачѣмъ отправляется Іуда, то всѣ ученики его продолжаютъ оставаться въ счастливомъ невѣденіи вплоть до самаго классическаго поцѣлуя. Впрочемъ, я не намѣренъ входить въ психологію предательства: она всѣмъ намъ хорошо извѣстна. Что же касается обстановки, —

S. O. S. — сокращенное отъ « Save our souls! » (въ переводѣ: « Спасите наши души! ») — условный знакъ по англійскому радіо-коду, съ которымъ обращается за помощью гибнущее судно.

вмѣсто нѣжнаго поцѣлуя—радіо и Эйфелева башня.— то она естественно мѣняется и прогрессируетъ вмѣстѣ съ временемъ, не создавая никакихъ новыхъ цѣнностей по существу. Нѣтъ надобности останавливаться и на *цѣляхъ* предательства, онѣ все тѣ же со времени Іуды: Голгоѳа для одного, серебренники для другого! Иногда, впрочемъ, и веревка... Но это уже относится къ патологіи предательства, а не къ его нормальной и здоровой психологіи.

Либо другой случай: союзники *не знаютъ*, что такое большевики, которыхъ они приглашаютъ для дружеской бесѣды, — и тогда это *безуміе*.

Ибо теперь, послѣ полутора-годичнаго властвованія большевиковъ въ Россіи, ихъ выступленія въ Германіи и другихъ странахъ, только безумный можетъ не знать, какую силу зла и разрушенія представляютъ собой эти дикари Европы, возставшіе противъ ея культуры, законовъ и морали.

Нужно совсѣмъ не имѣть Разума, чтобы не понять простыхъ и ясныхъ поступковъ, дѣйствій и вожделѣній большевизма.

Надо не имѣть глазъ, какъ слѣпому, — или имѣть глаза, но ничего ими не видѣть,—чтобы не различить на поверхности земли этой огромной Россіи, сплошь превращенной въ пепелъ, огонь, убійство, разрушеніе, кладбище, темницы и сумасшедшіе дома, какимъ сталъ отъ голода и ужаса цѣлый городъ Петроградъ, да съ нимъ и многіе другіе.

Надо совсѣмъ не имѣть ушей—или имѣть, но ничего ими не слышать—чтобы не услыхать этихъ воплей и стоновъ, воя женщинъ, писка дѣтей, хрипѣнія удушенныхъ, треска непрерывныхъ разстрѣловъ, что составляютъ неумолчную пѣсню Россіи въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ.

Надо совсѣмъ не знать разницы между правдой и ложью между возможнымъ и невѣроятнымъ, какъ не знаютъ ея сумасшедшіе, чтобы не почувствовать соціалистическаго бахвальства большевиковъ и ихъ неистощимой лжи: то тупой и мертвой, какъ мычаніе пьянаго, какъ декреты Ленина, то звонкой и виртуоз-

ной, какъ рѣчи кроваваго шута Троцкаго, то безпритязательно простой и наивной, какъ та ложь, какою обманываютъ маленькихъ дѣтей, животныхъ... и народы, — что нибудь въ родѣ клока сѣна, которымъ животное заманиваютъ въ стойло, или офиціальнаго заявленія Совѣта, что черезъ Атлантическій океанъ можно перейти вбродъ, или человѣколюбиваго приказа: *въ виду отмѣны* смертной казни, немедленно разстрѣлять такую-то кучу буржуевъ. Въ частности, слухъ союзныхъ правительствъ долженъ быть пораженъ особымъ и смертельнымъ недугомъ, чтобы не слышать не только воплей Россіи (нынче весь міръ вопитъ!), но и тѣхъ вразумительныхъ и ясныхъ докладовъ о сущности большевизма, что дѣлались имъ г. Нюлансомъ, т. Скавеніусомъ и другими, очень многими другими, достойными довѣрія людьми.

Далѣе:

Надо совсѣмъ не имѣть памяти, какъ не имѣютъ ея умалишенные, чтобы забыть о пломбированныхъ вагонахъ, о происхожденіи русскаго большевизма изъ нѣдръ германскаго имперскаго банка и преступной души Вильгельма, о Брестскомъ мирѣ, который германскіе агенты совершали съ тѣми же германскими агентами, какъ послѣднюю возможность побѣды надъ Согласіемъ. При этомъ попутно слѣдуетъ забыть Пруссію и Галицію, до насыщенія пропитанныя русской кровью, и Корниловыхъ-Калединыхъ, павшихъ одиноко жертвою долга и союзной вѣрности, и адмирала Счастнаго, и Духонина, и разрушенный Ярославль, и мальчиковъ юнкеровъ и студентовъ, довѣрчиво погибавшихъ во имя Россіи и ваши, дорогіе союзники, и тѣ многія тысячи русскихъ офицеровъ, которыхъ по той же причинѣ гонятъ, убиваютъ и преслѣдуютъ, какъ собакъ, и которыхъ вы—безсознательно, конечно,— нынѣ такъ безбожно оскорбили вашей нѣжностью съ убійцами и палачами. Для полноты безпамятства надо забыть и то, что завтракать въ Парижѣ собирался Вильгельмъ — Вильгельмъ II, германскій императоръ, а г. Вильсонъ завтракаетъ лишь по счастливому случаю, переплывъ *два* океана:

Атлантическій и океанъ русской крови, пролитой въ защиту союзнаго дѣла.

Далѣе:

Надо совсѣмъ не имѣть чувства достоинства и даже простой опрятности, надо совсѣмъ не знать различія между чистымъ и грязнымъ, какъ не знаютъ его умалишенные, употреблять въ пищу нечистоты, умываться помоями вмѣсто воды, — чтобы съ пріятной улыбкой проглотить, какъ подсахаренный ананасъ, всѣ тѣ оскорбленія, насмѣшки, глумливыя издѣвательства и откровенные чистосердечные пинки, какими награждались представители всѣхъ союзныхъ народовъ въ большевистскомъ Петроградѣ. Я не говорю объ арестѣ румынскаго посла г. Діаманди, противъ котораго въ свое время протестовали даже абиссинцы: г. Діаманди настолько не «великая держава», что ему незачѣмъ сходить съ ума, чтобы скромно и съ достоинствомъ молчать. Не говорю о швейцарскомъ посланникѣ и другихъ малыхъ сихъ, невинная нейтральность которыхъ также пострадала отъ беззастѣнчивой руки большевика. Не смѣю говорить и о г. Вильсонѣ, который своевременно, въ отвѣтъ на свою сочувственную радіотелеграмму свѣжей совѣтской власти, получилъ совсѣмъ дикую и горячую «пощечину» отъ Зиновьева. Для христіанина и гуманиста это лишь поводъ подставить другую щеку, что нынѣ и исполняется! *Но — нападеніе и убійство въ англійскомъ посольствѣ?* Но соотвѣтственное объявленіе большевиковъ, стоящими внѣ закона?

И наконецъ:

Имѣя глаза и уши, имѣя разумъ и волю, — надо быть или такимъ же дикаремъ, какъ сами большевики, или человѣкомъ, который страдаетъ нравственнымъ помѣшательствомъ, чтобы остаться равнодушнымъ къ безчеловѣчной дѣятельности большевиковъ и называть ее какимъ нибудь другимъ именемъ, кромѣ преступленія, убійства, лжи и грабежа. Нужно быть самому нечеловѣчески, скотски или безумно безнравственнымъ, чтобы называть «внутренними дѣлами» тотъ случай, когда здоровенный мерзавецъ насилуетъ женщину, или

жестокая мать истязаетъ ребенка — и не вмѣшиваться подъ тѣмъ предлогомъ, что упомянутыя дѣйствія нѣкоторой группой людей называются «соціализмомъ» или «коммунизмомъ».

Есть слова священныя, и велико ихъ очарованіе для живой человѣческой души, но когда эти зловѣщіе шуты своихъ темныхъ и злыхъ китайцевъ, нанятыхъ для убійства, называютъ «авангардомъ китайской революціонной демократіи»,—то нужно имѣть не живую, а мертвую душу, чтобы пойти на эту жалкую и постыдную приманку. Здѣсь наглой шумихой ходячихъ терминовъ нагло замазывается преступное существо дѣла: наемъ желтолицыхъ убійцъ для истребленія европейцевъ — случай, до селѣ небывалый въ лѣтописяхъ самой злой европейской тираніи....

И страшно сказать: одурѣлая Европа уже годъ смотритъ во всѣ глаза на этихъ экзотическихъ звѣрей, которыхъ кормятъ нашимъ тѣломъ — и все еще не можетъ сообразить, *что* такое передъ нею: «авангардъ демократіи» — или авангардъ чертей, выброшенныхъ адомъ для уничтоженія несчастной земли. Зоветъ на Принцевы острова!

Перечисленные дефекты, какіе необходимы для того, чтобы *не знать* большевика, даютъ въ цѣломъ законченный образъ совершеннаго Безумца—человѣка, лишеннаго зрѣнія и слуха, памяти и сознанія, разума и воли, человѣка, страдающаго нравственнымъ умопомѣшательствомъ, грязнаго и тупого.

Никто, однако, не можетъ допустить мысли, чтобы во главѣ величайшихъ современныхъ державъ стояли простые пацієнты изъ сумасшедшаго дома. Ихъ всему міру извѣстныя имена, ихъ энергичная и вполнѣ разумная дѣятельность въ продолженіе войны, наконецъ, то уваженіе, которое до сихъ поръ питали къ нимъ даже враги,—дѣлаютъ такую мысль не только нелѣпой и недопустимой, но даже оскорбительной. Конечно, они не сумасшедшіе!

Но если это *не* безуміе, то...?

Какъ ни ясенъ неизбѣжный выводъ, я остерегусь пока его дѣлать. Жизнь не всегда подчиняется су-

ровой и прямолинейной логикѣ. Основы человѣческихъ дѣйствій такъ сложны и многообразны,—въ частности искусство политики, какъ и черная магія, столь темное и тонкое дѣло, что и здѣсь помимо двухъ указанныхъ объясненій: предательство или безуміе, могутъ существовать и иныя побудительныя причины, затерявшіяся въ лабиринтѣ громкихъ словъ, въ пышности декорацій и торжественности завтраковъ, цилиндровъ, пріемовъ, процессій и экскурсій по развалинамъ. Со всѣхъ фотографій на меня успокоительно смотрятъ зубы г. Вильсона, обнаженные широкой и радостной улыбкой, и многіе другіе такіе же обнаженные зубы сопутствуютъ ему, — но я положительно не увѣренъ въ искренности этой успокоительной и безпечной улыбки.

Такъ ли ясна душа г. Вильсона, какъ его фотографическое лицо?

Такъ ли спокойны и тверды мысли г. Л. Джорджа, какъ выраженіе его фотографическихъ глазъ? Нѣтъ ли тамъ нѣкоторыхъ тайныхъ *опасеній*, неразрѣшенныхъ колебаній, нѣкоторой смутной нерѣшительности, основанной на какихъ-то неясныхъ расчетахъ?

Тогда не надо и прямого предательства, чтобы совершалось то, что совершилось, и танцующій убійца-большевикъ отправился на прекрасные острова. И — возвращаясь къ Евангелію, столь дорогому для г. Вильсона—не надо ли тогда классическій и страшный образъ Іуды замѣнить другимъ образомъ, не менѣе классичнымъ, но гораздо болѣе простымъ, распространеннымъ и общечеловѣчнымъ: Пилата, умывающаго руки?

Пилатъ *зналъ*, что Іисусъ — праведникъ. Объ этомъ предупреждала его и жена. И онъ не былъ ни безуменъ, ни подлъ, но онъ былъ — Пилатъ. И, сказавъ: «не повиненъ въ крови праведника сего», онъ умылъ въ доказательство руки и отправилъ праведника на судъ къ Каіафѣ. Каіафа послалъ къ Аннѣ. Анна обратно къ Каіафѣ...

И развѣ отсылка Россіи на Принцевы острова не напоминаетъ этого хожденія по честнымъ судьямъ — съ

воревкою на шеѣ? Ходи и ты, Россія, пока доходишься до креста. Не повинны въ крови твоей ни г. Вильсонъ, ни г. Л. Джорджъ — развѣ весь міръ не видѣлъ, какъ они умывали руки? Всѣ видѣли, и многіе услужливо подавали полотенце.

Однако, стоило ли въ началѣ кричать такъ громко, чтобы кончить — Пилатовымъ фальцетомъ? Стоило ли вступаться за нейтралитетъ Бельгіи, защищать Сербію, поднимать милліоны людей на милліоны, проливать море крови, грозить Германіи Страшнымъ Судомъ за ея безчеловѣчность, рыдать надъ Лувеномъ и Лузитаніей, клясться и взывать къ небу, пять лѣтъ истово бить себя кулакомъ въ грудь передъ Ботомъ Человѣчности — и кончить умывальникомъ? Обвороженный рѣчами, деклараціями и клятвами,—какъ свѣтлѣйшаго праздника, какъ воскресенія всѣхъ мертвыхъ ждалъ міръ побѣды Согласія. Ея ждали и мертвые, чьей жизнью было куплено дорогое торжество. Люди вѣрили, что съ побѣдою этихъ хорошихъ господъ, которые такъ хорошо говорятъ о добрѣ и злѣ, на землю вступитъ сама справедливость: что миръ, принесенный ими, будетъ истиннымъ *миромъ*, а не новой кровью, огнемъ и мукой, истребленіемъ беззащитныхъ, предѣломъ нечеловѣческихъ страданій.

Когда надъ окровавленною землею прозвучалъ колоколъ побѣды, сколько блѣдныхъ лицъ озарилось улыбкой надежды и счастья, — какъ почернѣли и исказились зловѣщія лица убійцъ, ужаснувшихся передъ лицомъ воскресшаго закона. Это были сказочно-прекрасные, фантастическіе дни, когда улыбнулся измученный мрачный Петроградъ и *повѣрилъ* въ *англичанина*, какъ въ Бога. Это были странные и счастливые сны, грезы мученическаго безумія, когда въ каждомъ выстрѣлѣ угадывали англійскую пушку и бѣгали на Неву, чтобы посмотрѣть на англійскій флотъ, «прибывшій ночью».

И дрожали убійцы, и достаточно было показать только чучело англичанина, чтобы вся эта Каинада обратилась въ паническое бѣгство. И . . . что вышло?

Обмануты живые и мертвые! Съ нелѣпымъ упор-

ствомъ вы гоняетесь за старымъ, жалкимъ, безсильнымъ Вильгельмомъ, чтобы судить его за грѣхи народа, — и дружески протягиваете руку здоровеннымъ молодымъ убійцамъ и ворамъ, чудовищамъ и уродамъ, которые *продолжаютъ* проливать кровь невинныхъ... Да, она льется безсмысленно и страшно, и въ этой безсмысленности — ужасъ и преступленія *большія*, нежели въ пятилѣтней войнѣ. И воспрянулъ духомъ обласканный убійца, и уже не хочетъ бѣжать, и насмѣхается надъ вами, и не боится даже живого англичанина, такъ какъ принимаетъ его только за чучело.

«Война кончена! Больше ни одного убійства! Долой оружіе!», — вотъ тотъ грозный и благостный приказъ, котораго ждали люди отъ Согласія и его силы, увѣнчанной побѣдой. А вмѣсто того — тихое шипѣніе выдохшейся гуманности, которою г. Вильсонъ обрызгиваетъ раскаленные угли . . . . . И кровь! кровь! кровь!

Попрежнему трещатъ выстрѣлы, кѣмъ то берутся и кѣмъ-то отдаются города, кого-то бьютъ и рѣжутъ, что-то разрушаютъ и уничтожаютъ. Съ силою лѣсного пожара, раздуваемаго ураганомъ, распространяется кровавый и безсмысленный Бунтъ, пробирается подъ землею, вспыхиваетъ за спиной и по бокамъ, бросаетъ искры на солому — и не въ силахъ противиться ему ослабѣвшая Европа, нервно обезсиленная пятью годами лишеній, еще не вышедшая изъ полосы того психическаго возбужденія, что создалось войной и нынѣ превращаетъ всѣ европейскія массы въ группы неуравновѣшанныхъ людей, въ податливый и безпомощный объектъ для самыхъ дикихъ внушеній. Перѣшительность и внутренняя двойственность вождей «міровой политики», помѣшавшая имъ сразу и опредѣленно встать на ту или иную сторону, все дальше вовлекаетъ ихъ въ смертоносныя объятія Бунта, который уже удушилъ Революцію въ Россіи, душитъ ее въ Германіи и не нынче-завтра всю Европу (а за нею и Америку) превратитъ въ арену повальной рѣзни и разбоя, войны всѣхъ противъ всѣхъ. Сегодня нѣтъ электричества въ Берлинѣ, завтра въ Лондонѣ не хва-

титъ угля, а пройдутъ еще недѣли, и кто знаетъ? — быть можетъ, остановятся всѣ дороги, замрутъ въ своихъ гаваняхъ пароходы съ хлѣбомъ, и костлявый Голодъ воцарится надъ Европой, выметая послѣдніе живые остатки правыхъ и виновныхъ . . . . .

Такъ мститъ Судьба за нарушеніе клятвъ, какими клялось Согласіе передъ Богомъ Человѣчности. Да, онѣ были нарушены всенародно и громко въ тотъ роковой моментъ, когда Эйфелева башня съ высоты своей начала разсылать приглашенія убійцамъ и жертвамъ, — и это подтвердили тѣ честные русскіе дѣятели, что съ презрѣніемъ и ужасомъ отвергли лицемѣрное, малодушное и губительное приглашеніе. Обмануты живые и мертвые, — и объ одномъ нужно молить жестокую Судьбу: чтобы дала она время одуматься, — если не поздно — задержала на мигъ сою карающую руку . . . . . и не осуществила мрачныхъ предчувствій того, кто уже видѣлъ разрушеніе своей родной страны.

И не къ правительствамъ Согласія, уже сказавшимъ свое тяжелое слово, обращенъ мой молитвенный вопль: «*спасите наши души!*». Нѣтъ, не къ нимъ, нарушителямъ клятвъ, а къ вамъ, *ЛЮДИ* Европы, въ благородство которыхъ я вѣрю неизмѣнно, какъ вѣрилъ всегда.

Какъ телеграфистъ на гибнущемъ пароходѣ, что сквозь ночь и тьму шлетъ послѣдніе призывы: «*скорѣй на помощь! Мы гибнемъ! Спасите наши души!*» — такъ и я, движимый вѣрой въ человѣческую благость, бросаю въ темное пространство мою-мольбу о гибнущихъ *людяхъ*.

Если бы вы знали, какъ темна ночь надъ нами Словъ нѣтъ, чтобы разсказать объ этой тьмѣ...

Кого я зову? Я не знаю. Но развѣ телеграфистъ знаетъ, *кого* онъ зоветъ? Быть можетъ, на тысячи миль пустынно море, и нѣтъ живой души, что услышала бы его мольбу. Ночь темна. Быть можетъ, кто-то далекій и услышитъ его, но подумаетъ: «зачѣмъ я пойду такъ далеко? Я и самъ могу погибнуть», — и продолжитъ свой ночной невидимый путь. Ночь

темна, и море страшно. Но онъ вѣритъ и зоветъ настойчиво, зоветъ до послѣдней минуты, пока не погаснетъ послѣдній свѣтъ и не умолкнетъ навсегда безсильный радіо.

Во что онъ вѣритъ?

Онъ вѣритъ въ *человѣка*, какъ и я. Онъ вѣритъ въ законъ человѣческой любви и жизни: *нельзя*, чтобы одинъ человѣкъ не помогъ другому, когда тотъ погибаетъ! *Не можетъ быть*, чтобы человѣкъ безъ борьбы и помощи отдалъ другого человѣка морю и смерти! *Не можетъ быть*, чтобы никто не пришелъ на помощь зовущему! Кто-то *долженъ* притти. Я не знаю его имени, но я ясно прозрѣваю его человѣческія черты, его душу, сродную моей. Сквозь холодъ и ненастье я почти чувствую теплое прикосновеніе его энергичной и дружеской руки, напряженной волею къ помощи и человѣческимъ сочувствіемъ. Я ощущаю эту *волю* къ помощи, которая напрягаетъ его мышцы, дѣлаетъ зоркимъ глаза, озаряетъ свѣтомъ и рѣшимостью его быстрый и твердый человѣческій умъ. Я его вижу, я его знаю, я его жду — это *человѣкъ*!

Не о помощи *Народу Русскому* я его прошу. Это слишкомъ велико: *Народъ Русскій*, чтобы спасать его... Надъ его жизнью и смертью властенъ только Богъ!

Въ эти скорбные дни, когда презрѣніе, издѣвательства и насмѣшка глупцовъ стали удѣломъ больной и поверженной Россіи, я съ гордостью ношу имя русскаго и твердо вѣрю въ ея грядущую славную жизнь. Такъ же твердо вѣрю, какъ вѣрю въ твое будущее, благородная Франція, и твое, Германія, нашъ побѣжденный врагъ, и въ твое, старая и мудрая Европа, мать міра и наша общая мать.

Такіе колоссы, какъ *Народъ Русскій*, не погибаютъ! Придутъ ли правительства Согласія на помощь своему союзнику Россіи, или предоставятъ ей самой выбираться изъ гнилой трясины,—Россія въ урочный часъ встанетъ со своего одра и выйдетъ просвѣтленною и по праву займетъ свое мѣсто среди великихъ народовъ міра.

То, что такъ страшно для насъ, маленькихъ и смертныхъ людей, живущихъ мгновеніемъ, — то лишь единый ударъ сердца для великаго безсмертнаго народа. Сотнею тысячъ погибшихъ больше или сотнею тысячъ меньше, годами страданій больше или меньше, — что это значитъ для Россіи съ ея великой и неисповѣдимой судьбою?

Нѣтъ, не о помощи народу русскому прошу я тебя, человѣкъ. Но вотъ эти тысячи, которыхъ, «больше или меньше», вотъ эти тысячи *людей*, у которыхъ жизнь единственна и такъ мгновенна и которые гибнутъ ежечасно въ невыносимыхъ страданіяхъ — или живутъ, но такъ, что это хуже всякой смерти. Это не важно, что они называются «русскими», — важно, что это *люди*, страданія которыхъ начались такъ давно и продолжаются безконечно, продолжаются безпросвѣтно, какъ въ настоящемъ аду, изъ котораго нѣтъ выхода и надъ которымъ безраздѣльно господствуютъ злыя и страшныя силы. Ихъ страданія еще можно сократить, смерть еще можно отвлечь отъ ихъ головъ, и о спасеніи ихъ душъ я посылаю мою человѣческую мольбу.

Мой другъ, я не стану разсказывать тебѣ, какъ намъ больно и страшно въ нашей теперешней Россіи, въ нашемъ мученическомъ Петроградѣ. Я не смогу разсказать. Все, что я попробую разсказать, будетъ блѣдно и ничтожно наряду съ дѣйствительностью. Чтобы разсказать, нужны слова, а нынче всѣ слова, какъ и деньги стали фальшивыми и уже не стоятъ того, что въ нихъ сказано. Цѣлыя горы словесной лжи нагромоздились въ мірѣ — и подъ этой грудою безсильнымъ и вялымъ кажется правдивое слово, отраженное тысячью уродливыхъ тѣней. Какъ раскрывать уста для молитвы, когда престолослужительствуетъ самъ пьяный Сатана?

Вотъ я скажу слова: ужасъ — убійство — кровь . . . . и что это скажетъ уху, въ теченіе пяти лѣтъ почти не слыхавшему иныхъ словъ? Вотъ я стану описывать ужасы вымирающаго Петрограда — и развѣ это не прозвучитъ чѣмъ-то старымъ, уже разсказаннымъ

когда-то, а въ худшемъ случаѣ не покажется жалкой выдумкой романиста, патетическимъ преувеличеніемъ адвоката, который хлопочетъ за своего кліента?

Нѣтъ, я не стану разсказывать ни о количествѣ, ни о качествѣ нашихъ страданій: уже достаточно словъ сказано другими, и новыхъ словъ не найдется на человѣческомъ языкѣ. Но на одно свойство этихъ страданій я позволю себѣ указать: это—чувство *беззащитности* для себя и чувство *безнаказанности* для убійцъ.

Не такъ страшно умирать или терпѣть страданія, граничащія со смертью, когда ты чувствуешь за собой руку Закона, который такъ или иначе, рано или поздно, но не позволитъ безнаказанно проливать твою кровь, не уподобитъ тебя простой бутылкѣ кваса, которую, проходя, вылилъ на мостовую кто-то пьяный и беззаботный.

Не страшно умирать, когда ты еще вѣришь въ совѣсть убійцы, и думаешь, что въ ней онъ найдетъ рано или поздно свою кару.

Но страшно умирать, но невыносимо больно страдать, когда это происходитъ на площади, среди бѣла дня, подъ равнодушными взорами людей и самаго Неба — и знать, умирая, что нѣтъ совѣсти у убійцы, что онъ сытъ, веселъ и богатъ, что подъ покровомъ лживыхъ словъ онъ не только не потерпитъ кары, но *заслужитъ* чей-то восторгъ, чье-то уваженіе и низкіе поклоны. Страшно, когда дѣтишки голодны и умираютъ, а убійцы сыты, и Троцкій въ свой ротъ опрокидываетъ послѣднюю бутылку молока. Страшно знать, что для мертвецовъ не хватаетъ могилъ въ Петроградѣ, а для этихъ господъ открыты дороги не только на Принцевы острова, но и по всему міру, что съ ихъ награбленнымъ богатствомъ имъ доступны всѣ лучшіе климаты, всѣ лучшія мѣста продажной земли. Невыносимо думать, умирая, что на чьихъ то безчеловѣчныхъ вѣсахъ ты вѣсишь не больше мошки и твоя драгоцѣнная жизнь выбрасывается изъ міра, какъ плевокъ.

И я не знаю, насколько моя вѣра въ *человѣка* можетъ найти себѣ откликъ въ мученическомъ Петро-

градѣ: *тамъ* едва ли вѣрятъ теперь не только въ человѣка, но и въ Бога. И это: потеря всѣхъ вѣрованій въ человѣческую и божескую справедливость, безнаказанное попраніе всѣхъ высшихъ свойствъ человѣческой души есть страданіе большее и горшее несравненно, нежели всѣ физическія муки въ большевистскихъ застѣнкахъ. Оттого мы всѣ почти сумасшедшіе, оттого даже наиболѣе стойкихъ изъ насъ лишь тонкая грань отдѣляетъ отъ послѣдняго отчаянія и самоубійства. Трудно сохранять жизнь — почти счастьемъ кажется избавленіе отъ нея.

Кто знаетъ — быть можетъ, и это мое обращеніе къ тебѣ есть также сумасшествіе, которымъ я охваченъ наравнѣ съ другими: можетъ быть, *тебя* нѣтъ совсѣмъ, и я ловлю руками только призракъ человѣка... Нѣтъ, я вѣрю въ тебя, но скажу горькую правду: всѣ силы свои долженъ я собрать для этой вѣры, для этого неумѣстнаго вопля, все безплодіе котораго минутами такъ ясно представляется моему уму. Нѣтъ, я еще вѣрю въ тебя — и сдѣлай же такъ, человѣкъ, чтобы моя вѣра стала вѣрою и тѣхъ несчастныхъ, кто сейчасъ въ эту минуту томится отчаяніемъ въ безпросвѣтномъ Петроградѣ и уже поднимаетъ руку, чтобы убить себя и своего ребенка. Это гибнетъ душа человѣка.

Мой другъ, встань и протяни намъ руку!

Каждый отдѣльный французъ — я обращаюсь къ тебѣ и тебя зову. Пусть или слабосильны или ошибаются твои вожди — исправь ихъ ошибки и твоей силою умножь и подкрѣпи ихъ силу! Еще ребенкомъ я научился любить и уважать тебя, французъ, и въ исторіи твоей жизни искать великихъ образцовъ рыцарства и великодушнаго благородства. Отъ тебя я узналъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, съ ними жилъ всю жизнь, съ ними хочу и умереть. Съ тобою я плакалъ, когда Германскія полчища топтали твою прекрасную Францію, и знаю, ты не засмѣешься надъ моими теперешними слезами.

И ты, каждый отдѣльный англичанинъ, къ тебѣ я обращаюсь: спаси наши души! Это ты, на твоемъ

языкѣ. создалъ этотъ призывъ, который сталъ закономъ на всѣхъ моряхъ и властно поворачиваетъ къ гибнущему судну носы всѣхъ кораблей — и ты не оставишь его звучать напрасно. Когда Германія во весь голосъ распѣвала о своей ненависти къ тебѣ, уже тогда въ ея голосѣ звучали страхъ и сознаніе неминуемой гибели: она знала, что это ты тотъ человѣкъ, у котораго слово подобно закону и обѣщаніе равно исполненному дѣлу. Насъ еще надо называть по имени, но достаточно сказать одно слово — человѣкъ, чтобы сразу узнать англичанина. Встань же, человѣкъ, и протяни руку, здѣсь гибнутъ люди, здѣсь гибнутъ женщины и дѣти!

И ты, каждый отдѣльный американецъ — тебя я зову. Ты молодъ и богатъ, ты широкъ духомъ и энергиченъ, ты хочешь, чтобы факелъ твоей свободы бросилъ свѣтъ и на далекую Европу—приди же и взгляни, какъ намъ тяжело, въ какомъ безчеловѣчномъ рабствѣ томится наше тѣло и нашъ духъ. Только взгляни и, увѣряю тебя, ты ужаснешься, проклянешь тѣхъ обманщиковъ и лжецовъ, что эту злѣйшую тиранію выдавали тебѣ за порывъ къ свободѣ всего русскаго народа.

И ты, каждый отдѣльный итальянецъ, — и ты, японецъ, шведъ, индусъ, и кто бы ты ни былъ; среди всѣхъ народовъ существуютъ благородные люди, и каждаго человѣка я зову — каждаго въ отдѣльности. Ибо настало время, когда не за кусокъ земли, не за господство и деньги, а за *человѣка*, за его побѣду надъ звѣремъ, должны бороться люди всей земли.

Поймите, что это не революція, то, что происходитъ въ Россіи, уже началось въ Германіи и оттуда идетъ дальше! Это Хаосъ и Тьма, вызванные войною изъ своихъ черныхъ подполій и тою же войною вооруженные для разрушенія міра.

Пусть ваши нерѣшительныя правительства даютъ оружіе и деньги—вы, люди, дайте самихъ себя, вашу силу, мужество и благородство. Пусть отдыхаетъ усталый, пусть въ свою теплую нору забирается малодушный, пусть спитъ, кто можетъ спать въ такую

страшную ночь, но вы, кто силенъ и не усталъ, въ комъ бьется мужественное сердце — идите на помощь людямъ, гибнущимъ въ Россіи!

Организуйтесь!

Только твердо организованная, *разумная* сила въ состояніи бороться съ безбрежнымъ хаосомъ, съ безформеннымъ, широкимъ всепроникающимъ Бунтомъ. Огонь не тушатъ огнемъ и всякая вооруженная, но не твердо организованная, неразумная толпа, вышедшая на борьбу съ бунтомъ, сама становится достояніемъ бунта и только усиливаетъ пожаръ.

Строго провѣряйте самихъ себя, идите только съ яснымъ сознаніемъ высокой цѣли, иначе вы сами погибнете на пути.

Нельзя посылать пьяницъ на охрану винныхъ погребовъ — нельзя слѣпому поручать охрану маячныхъ огней!

Организуйтесь!

Формируйте батальоны и арміи! Я думаю, въ этомъ помогутъ вамъ и ваши правительства, нерѣшительность которыхъ исчезнетъ передъ вашей благородной волей. Малыми силами, которыя нынѣ разрозненно и одиноко вступаютъ въ борьбу съ большевиками, только затягивается борьба и проливается лишняя человѣческая кровь. Голый Разумъ не властенъ надъ ними: что значитъ самъ Сократъ противъ пулемета? Они знаютъ только силу и только силѣ способны они подчиниться. Всякая слабость, хотя бы слабость ребенка или женщины, укрѣпляетъ ихъ, въ крови они черпаютъ ярость и веселье. Но передъ организованой и твердой силой они падутъ безшумно—безъ выстрѣла, безъ того сопротивленія, которое вызываетъ неизбѣжное убійство и кровь. Ихъ просто не станетъ, они исчезнутъ, растаютъ, какъ таетъ тьма передъ свѣтомъ — кто убивалъ когда-нибудь темноту? Не надо будетъ убивать — и этого великаго счастья вы достигнете *силой*.

Организуйтесь!

Мое послѣднее обращеніе къ тебѣ, журналистъ, кто бы ты ни былъ, англичанинъ, американецъ или

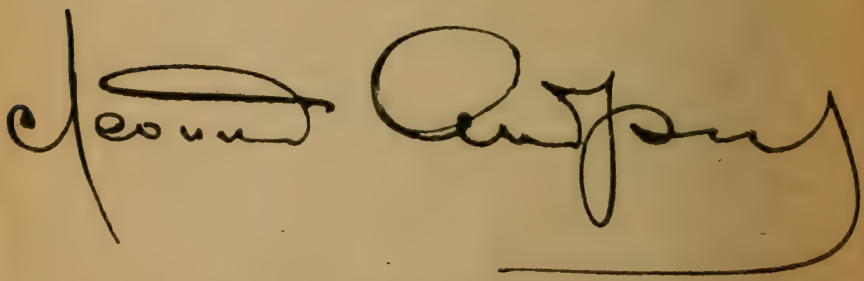
французъ. Поддержи мою мольбу о гибнущихъ людяхъ!

Я знаю—сотни милліоновъ денегъ брошены на подкупъ печати, тысячи станковъ фабрикуютъ и выбрасываютъ ложь, тысячи лжецовъ кричатъ, вопятъ, мутятъ воду, населяютъ міръ чудовищными фантомами и масками, среди которыхъ теряется живое человѣческое лицо. Самый воздухъ подкупленъ и лжетъ: эти фальшивыя радіо, что дьявольскими кругами опутываютъ всякую редакцію, эти ночныя вѣсти, что назойливо стучатся въ дверь, лѣзутъ въ уши, мутятъ сознаніе. Но я знаю и другое: какъ есть люди среди двуногихъ, такъ есть и люди-журналисты, тѣ, кому издавна присвоено имя рыцарей Св. Духа, кто пишетъ не чернилами, а нервами и кровью, и къ нимъ я обращаюсь... къ каждому въ отдѣльности!

Помоги! Ты понимаешь, въ какой опасности *человѣкъ*... Помоги!

Но скорѣй, скорѣй!

Что еще сказать тебѣ, мой другъ? Скорѣй—приходи скорѣй!



6 февраля 1919 г. Финляндія.

Леонидъ Андреевъ *S. O. S.*

„Спасите!“ съ предисловіемъ Вл. Бурцева . . . . . 1 fr. —

Вл. Бурцевъ *„Въ борьбѣ съ большевиками и нѣмцами“* . . . . . 2 fr. —

Вл. Бурцевъ *„Проклятіе вамъ, большевики!“* (6 изд.) . . . . . — 50 c.

Léonide Andréieff *„Au Secours!“ (S. O. S.)*, préface de V. Bourtzeff 1 fr. —

V. Bourtzeff *„Les deux fléaux du monde. Les bolcheviks et l'impérialisme allemand“* Paris, 1917 (Payot et Cie) . . . . . 1 fr. 50 c.

V. Bourtzeff *„Soyez maudits, bolcheviks!“* (Lettre ouverte aux bolcheviks) . . . . . — 50 c.

Pour recevoir ces éditions s'adresser à :

V. Bourtzeff, 49, Bd St-Michel, Paris.

DK
265
.17
A54
1919

Andreev, Leonid Nikolaevich
S.O.S. ! [2. izd.]

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 10 14 02 011 9